

В конце сентября газета «Фигаро» опубликовала интервью лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына, в редакционном предисловии к которому говорится:

Александр Солженицын — один из самых стойких борцов всех времен. В течение десятилетий он в одиночку противостоял тоталитарной машине и в конце концов заставил повернуться земной шар.

Сегодня он довольствуется противостоянием лишь средствам массовой информации. Покинув свой «бункер» в Вермонте, чтобы совершить поездку во Францию перед своим возвращением в Россию в мае будущего года, он тщательно, но добродушно защищает свои маленькие тайны. Не забывая при этом и о юморе.

Вопрос: Что означает для вас быть «живым мифом»?

Ответ (смеется): Ничего, не считая того, что обо мне постоянно говорят какую-нибудь ложь...

Вопрос: Даже теперь, когда коммунизм мертв, вас продолжают изображать в некоторых кругах как гнусного реакционера-обскуранта. Чем это объясняется?

Ответ: Несмотря на сотни и сотни статей, в которых меня изображали царистом, монархистом, шовинистом или уже не знаю кем, никто не мог привести хотя бы одну цитату из написанного мной в подтверждение этих обвинений. Но все равно. Эти люди, подобно попугаям, когда вы с ними разговариваете, повторяют друг за другом одно и то же, даже не потрудившись прочитать мои книги. Я к этому привык.

Вопрос: Действительно, привыкли?

Ответ: В марте 1974 г. в моем «Письме руководителям» я писал, что советские войска должны уйти из всех стран, которые они оккупируют. Печать по-своему представила это на следующий день, объяснив, что я — империалист. Три года назад, после публикации моей статьи «Как нам обустроить Россию», я сказал, что по меньшей мере 12 республик могут отделиться от России. Меня сразу же обвинили в желании сохранить Союз. Это просто глупость. В этих условиях невозможно дискутировать.

Вопрос: Но откуда она исходит, эта кампания?

Ответ: Не следует недооценивать работу, проделанную за многие годы КГБ в соответствии с директивами Политбюро с целью дискредитировать меня из-за моей борьбы против коммунизма.

Вопрос: Есть ли в ваших устных высказываниях или публикациях что-то, о чем вы жалуете, поскольку это могло дать повод подобного рода критике?

Ответ: Нет. Нужно брать все, что я говорю в целом. А некоторые люди всегда упорно выдирают отдельные фразы из контекста.

Вопрос: Как вы, кого считаете крупнейшим из живущих писателей, объясняете то, что конец нынешнего века столь глубоко «болен» в культурном и литературном плане?

Ответ: «Болен» не только конец нынешнего века. Этот процесс начался в XIX веке. Его следует отнести на счет того, что я назвал бы обеднением крупных концепций и высоких чувств. А обнаружился этот вакуум по окончании «холодной войны».

Вопрос: Что вы ненавидите в современной культуре?

Ответ: Лучше скажем, к чему испытываю сострадание. Люди в своей суете утратили чувство высших ценностей. Отсюда и нынешняя деградация.

Вопрос: Вы любите рок-музыку?

Ответ: Я не могу ее переносить. Это — биологическое (смеется).

Вопрос: А абстрактную живопись?

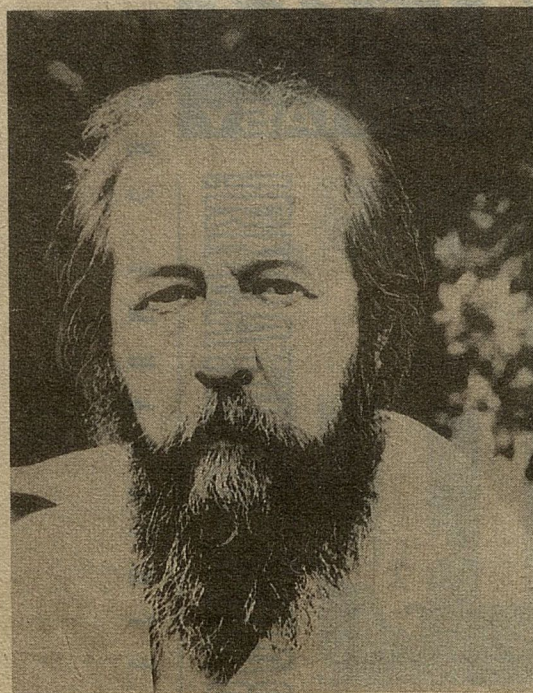
Ответ: Вот она может быть очень интересной.

Вопрос: Кто из современных писателей вызывает у вас наибольшее восхищение?

Ответ: В последние 20 лет я сосредоточил все свое внимание на том, что происходило в России после 1917 г. Я практически не покидал моего дома в Вермонте. Я самоизолировался и погрузился в источники русской истории. Нужно представить себе то огромное количество документов, с которыми мне пришлось сверяться для моей работы. У меня не было времени читать романы других.

Вопрос: Как вы работаете?

Ответ: Все дни, без исключения. С 7 часов утра до 22 часов. Это поездка в Европу — это первый раз за 28 лет, что мы с женой позволили себе короткий отдых.

Александр Солженицын:

Культура. — 1993. — Яюл. — С. 3.

ЖИВЫЕ КОРНИ, БУДУТ ВСХОДЫ

Вопрос: Вы — «Давид», который осмелился сразиться с «Голиафом». Но как вы будете существовать и мыслить теперь без коммунизма?

Ответ: Эта проблема стоит не только для меня, но и для миллионов людей, которым пришлось менять привычки, приобретенные за время «холодной войны». Безусловно, именно этим можно объяснить беспокойство некоторых.

Вопрос: Коммунизм долгое время был вашим повседневным неотступным наваждением. Вы еще продолжаете думать о нем?

Ответ: Я думаю лишь о том, что от него осталось среди людей и в структурах общества. Древние мудрецы утверждали, что худший враг человека — это он сам. Так вот, худший враг общества — оно само. Мне кажется, нужно постараться избежать всякого ликования после крушения коммунизма. Он давал совершенно неадекватные ответы на вопросы, которые по-прежнему стоят со всей остротой. Он повержен почти всюду и уже не представляет опасности. Но проявления несправедливости сохраняются, и мы видим, как кое-где проявляется беспредельная алчность.

Если человечество не возьмется за решение этих проблем, ничто не говорит о том, что в XXI веке в других странах не появятся явления, подобные коммунизму.

Вопрос: В вашей борьбе с коммунизмом вы производили

впечатление гранитного монолита. Бывали ли моменты, когда вы испытывали страх?

Ответ: Я испытал глубочайшее чувство страдания, когда в 1965 г. часть моих архивов попала — по неосторожности некоторых людей — в руки КГБ. Я тогда боялся, что потерял все, что собирал годами для написания «Архипелага». Больше я никогда не испытывал страха. Я всегда был готов к смерти или к заключению.

Вопрос: Теперь, когда коммунизм исчез, где сегодня враг?

Ответ: Знаете, я не думаю, что всегда нужен какой-то враг (улыбается).

Вопрос: Вы не считаете, что национализм и исламский интeрrизм начинают теперь занимать место, оставленное коммунизмом?

Ответ: Нужно признать, что человечество развивается не по единому образцу, а через нередко замкнутые культуры, каждая из которых имеет свои законы. Эта мысль была впервые высказана Данилевским в XIX веке и уже позднее была развита Шпенглером и Тойнби. Я считаю, что именно многообразие мира составляет его красоту.

Вопрос: От чего же в конечном счете скончался коммунизм?

Ответ: Коммунизм был исторически обречен с самого рождения. Он провозгласил, что все определяется эконо-

микой, и — по иронии истории — именно экономика его и убила. Внутри страны он поддерживался 70 лет лишь благодаря репрессиям и кровавому насилию; не забывайте, что он истребил почти 60 млн. человек. Во внешнем мире удавалось держаться благодаря демагогии и обману. Он заставлял Запад, поскольку казался носителем гуманизма. Разве интеллектуалы 20-х и 30-х годов, как Ромен Роллан, не искали в конце концов верить, что коммунизм принес рай на Землю?

Вопрос: Вы не любите Михаила Горбачева. Разве, несмотря на его слабость, его не следует все же считать позитивной фигурой российской истории?

Ответ: Нет. Как можно считать его деятельность позитивной, когда за время его правления наш внешний долг увеличился в четыре раза? Его лозунги были лицемерны. Он знал, что коммунизм должен погибнуть, но он хотел спасти его, так же как он хотел спасти номенклатуру. В действительности перестройка позволила этой номенклатуре в основном переориентироваться на другие виды деятельности, более прибыльные и менее связанные с партией. Михаил Горбачев не открыл дорогу реформам. Вопреки видимости, он закрыл ее.

Вопрос: Теперь, когда Россия выбралась из «ледника» истории, куда ее запер ком-

мунизм, можно ли верить в ее возрождение?

Ответ: Прежде всего Россия не была в «леднике» истории, как вы говорите. Она содействовала разгрому гитлеризма. Она ускорила также процесс деколонизации благодаря своим лозунгам. Будучи лживыми в отношении коммунизма, они были в какой-то мере оправданными в отношении Запада.

Что касается России, я, естественно, оптимист. Это зависит от характера. Я даже в трудных обстоятельствах отношусь к тем, кто не позволяет себе впадать в уныние. Моя интуиция говорит мне, что Россия возродится. Но это чувство не основывается на каких-то рациональных факторах.

Вопрос: Что же питает вашу уверенность?

Ответ: После десятилетий коммунизма, разрушивших столько моральных ценностей, в моей стране еще сохранились живые корни, и они дают всходы.

Теперь им предстоит борьба с сорняками, которые бурно произрастают в атмосфере хаоса, порожденного алчностью и стремлением к наживе.

Вопрос: Вы верите в Бориса Ельцина?

Ответ: Это человек искренний и обладающий мужеством. Он проявил его, когда одним из первых вышел из коммунистической партии. Он проявил его еще раз перед лицом путчистов во время не-

удавшейся попытки переворота в августе 1991 г. Но далее он допустил много серьезных ошибок. Первой из них было то, что он не покончил раз и навсегда с политической системой, которая уже начала разваливаться в 1991 г. Он уступил нажиму со стороны российских демократов, а также западной печати, выставившей его опасным популистом, даже начинающим диктатором. Эти нарастающие вопли парализовали его.

Вопрос: Вы считаете, что Борис Ельцин должен был сразу же распустить парламент?

Ответ: Несомненно. Кстати, это не подлинный парламент, созданный в результате свободных выборов. Он был создан еще при прежнем режиме. Борис Ельцин допустил и другую ошибку. Он недостаточно продумал реформы. Впрочем, он сам признал, что у него не было на это времени, надо было срочно начинать этот процесс. Команда Егора Гайдара была как будто загипнотизирована требованиями Международного валютного фонда, который никогда прежде не сталкивался с подобной ситуацией.

Вопрос: Нет ли у вас в конечном счете чувства беспокорства, что капитализм и подражание Западу потопят Россию?

Ответ: Нет. Опасность исходит не от Запада. Она в нас самих. Выход из коммунизма неизбежно труден. До революции 1917 года в России достаточно хорошо функционировали капитализм и рыночная экономика. Россия была четвертой страной мира по промышленному развитию и снабжала зерном всю Европу. А после этого наш народ, наш духовный мир и наша культура в течение 70 лет подвергались уничтожению. Конечно, возрождение потребует времени.

Вопрос: В течение многих лет вы жили затворником в Вермонте. Вы явно не включились в жизнь Америки. Вы действительно любите ее?

Ответ: Американская политическая жизнь могла бы просто захлестнуть меня. Как только я прибыл в Соединенные Штаты, я получал сотни приглашений для выступления с лекциями или участия в коллоквиумах. Мои контакты с Америкой ограничились Вермонтом, где я поддерживал очень теплые отношения с местным населением. Я имел там полную возможность наблюдать за этой «демократией» небольших пространств, которую я так люблю.

Вопрос: Какая из двух стран — Америка или Россия — более религиозна?

Ответ: В начале XIX века Россия была очень религиозной страной. В первые годы XX века — уже в значительно меньшей степени, что, возможно, и стало главной причиной успеха революции. После чего несколько поколений воспитывались коммунизмом в духе атеизма. Что же касается Америки, религия там стала частным делом каждого. В американских школах, например, запрещены молитвы.

Вопрос: А вы часто молитесь?

Ответ (улыбается): Это личный вопрос, который вряд ли сделает интервью более интересным.

Вопрос: Вы верите в Бога. А верите ли вы в дьявола?

Ответ: В настоящее время существует слишком сильная тенденция посмеиваться над понятиями Добра и Зла, хотя они, конечно, существуют...

Вопрос: И где вы видите дьявола сегодня?

Ответ: Добро и Зло — в сердце каждого. Граница проходит здесь в нас самих, и она перемещается в зависимости от обстоятельств жизни.

Вопрос: С каким писателем вы предпочли бы, чтобы вас сравнивали?

Ответ: Я никогда не задавался таким вопросом. Многие писатели оказали на меня особое влияние, знаете, Пушкин, Алексей Толстой, Лев Толстой, Достоевский, Бунин, Булгаков и другие.

Вопрос: А какая книга произвела на вас наибольшее впечатление в детстве?

Ответ: Многие книги произвели на меня впечатление. Я начал читать в пять лет. «Войну и мир» Толстого я прочел в 10 лет.

Вопрос: Ваше творчество очень обширно. Есть ли в нем произведения, которые вы не любите?

Ответ: Да, моя пьеса «Плама на ветру»... Это был смелый замысел. Я хотел написать пьесу, которая могла бы пройти через советскую цензуру, но которая отражала бы эволюцию умов. Поэтому я избрал местом действия некую неизвестную страну, посвятив сюжет современной проблематике. И я был наказан: это не могло пройти. К тому же я несколько растерял в этом эксперименте мой русский язык.

Вопрос: Какую из своих книг вы любите больше всего?

Ответ: Всегда ту, которую пишу в данный момент...